

**АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ**
(концепция нелинейного развития политического насилия)

*Арман Мартиросян**

Развитие социально-психологических отношений во всем мире сделало логичными и необходимыми переговоры между властями и оппозицией. При этом нельзя рассматривать развитие оппозиционного движения во многих странах постсоветского пространства вне контекста социально-политических, экономических, морально-психологических, демографических, этнических и других трансформирующихся процессов, вспыхнувших как следствие распада Советского Союза и приведших к разным аномалиям, нелинейному развитию различных оппозиционных противостояний как этнического, так социально-экономического характера [1, 2, 3]¹. Армения не могла остаться в стороне и не подвергнуться всем общественно-политическим трансформационным воздействиям, вызвавшим бурю различных изменений во всем мире, во всех сферах человеческого общежития.

Двадцатый век войдет в историю как эпоха насилия, разрушения традиционных устоев, центробежных сил на национальном уровне и острых конфликтов в социальных отношениях. Всеобщий стресс становится уделом человека в условиях научно-технического прогресса, нравственные барьеры расшатываются, основные моральные ценности ставятся под сомнение, и человека захлестывают волны страха и неуверенности. Ограничив применение

* Доцент кафедры прикладной политологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

¹ Дискуссии о мультикультурализме в России см. также в работах Малахова, Тишкова в сб. «Мультикультурализм и трансформация постсоветских сообществ» – М., 2002.

силы в сфере межгосударственных отношений, человечество оказалось перед лицом взрыва внутривнутриполитического насилия, конфликта внутри государства.

Взрыв внутривнутриполитического, антисистемного насилия, жертвами которого в XXв. становятся страны с различными уровнями социально-экономического и политического развития, несхожими социокультурными, религиозными традициями, этническим составом и историческими судьбами, оказался серьезным вызовом современной социальной науке [4, 5]. Традиционные модели научного прогнозирования оказались неадекватными перед лицом неконтролируемого, эмоционально окрашенного, внешне иррационального и отклоняющегося от привычных норм поведения. Было бы абсурдно предположить, что общественные науки XXв., имея опыт двух мировых войн, целого ряда революций и многочисленных восстаний, недооценивают значимость изучения причин политического насилия и его воздействия на общественно-экономические отношения. Тем не менее, как указывает в своем фундаментальном обзоре теоретических подходов к изучению проблем политического насилия известный исследователь Д.Гупта [6], в противоположность марксистской «парадигме конфликта» западная социальная наука XXв. развивалась преимущественно в русле «парадигмы согласия». Основное внимание было уделено *способности общества адаптироваться и преодолевать конфликты в условиях экономического равновесия и политической стабильности*. Вера современной социальной науки в существование уравновешивающих центростремительных сил оказалась столь сильна, что всякий серьезный интерес к факторам, способным взорвать общество изнутри, считался излишним и недостойным систематических интеллектуальных усилий. С другой стороны, унаследованная от СССР «идеологическая подкормка» – огромная вера постсоветского населения в социальный конструкт как некий базовый архетип человеческого бытия – очень велика. В этих условиях обычные методы политического воздействия на разрешение конфликтных ситуаций малоэффективны.

Во второй половине восьмидесятых вирус насилия вырвался из латентного состояния и расцвел махровым цветом, подогреваемый беспорядочными, часто непродуманными и непоследовательными политическими и экономическими реформами. Последние десятилетия показали, что по-

тенциальная опасность конфликтов в социальной жизни на постсоветском пространстве не только не уменьшается, но, кажется, имеет тенденцию к возрастанию. Причем, благодаря совершенствованию техники – в том числе военной – губительная сила их многократно возросла. Да и в спокойной Европе не все с этим благополучно – достаточно вспомнить Белфаст или Косово. Неопровержимым доказательством, подтверждающим эту концепцию, является пример вопиющего акта насилия в Норвегии, осуществленного Андерсом Брейвиком. Директор Института политических исследований Сергей Марков считает, что «это расплата за культ насилия и наивную политику толерантности». Европейское общественное сознание не может привыкнуть к захлестнувшему Старый Свет валу мигрантов. Теракт стал мстью правительству за наплыв мусульман в Норвегию. Между тем на фоне попыток правоохранительных органов европейских государств не допустить расползания новой террористической угрозы, вызванной растущим неприятием в европейских обществах мультикультурализма и исламофобией, имя норвежского террориста уже становится новым знаменем действующих в разных уголках Европы правых экстремистов.

Нелишне здесь вспомнить психоаналитическую концепцию Зигмунда Фрейда, заложившую основы так называемой *концепции драйва (влечения)* в изучении насилия и укрепившую убежденность в том, что агрессивное поведение человека является рудиментом его животного прошлого, проявлением подсознательных структур психики (1930). В переписке с Альбертом Эйнштейном о возможностях предотвращения войн З.Фрейд в 1932г. указывал на инстинктивные основы человеческого стремления к разрушению, считая бесплодными попытки приостановить этот процесс. Благодаря общественному прогрессу можно только придать какие-то сглаживающие формы разрушительным инстинктам человека. *Увязка агрессии с «инстинктивной, независимой, врожденной предрасположенностью человека» фактически ослабляла потребность в поведенческом объяснении такого рода действий и в практически-политическом плане ассоциировалась с тактикой репрессивного подавления агрессивных проявлений* [7]. С этих позиций средствами преодоления социальной агрессивности выступали процессы детской и взрослой социализации, авторитарное внедрение современных рациональ-

ных норм толерантного мировоззрения и форм общественных отношений и ценностей, модернизация общества.

Все это требует поиска новых инструментов, способных оказывать стабилизирующее воздействие на сознание и подсознание населения. В плане разрешения конфликтов речь идет о новых, информационно-психологических технологиях управления политическими процессами, конфликтами и кризисами. Естественно, недостаток научных объяснений и дефицит оценок возможных направлений общественно-экономического развития ослабляют концептуальный потенциал не только политической науки, но и государственной политики в целом. *На передний план выходят проблемы насильственных решений конфликтов, характеризующиеся высокой интенсивностью и широким применением методов прямой агрессии, а также способностью вовлекать в свою сферу и заражать все новых людей, разрушая исторически сложившуюся систему государственной стабильности и, следовательно, безопасность* [8, 9, 10, 11].

Возвращаясь к проблеме двусторонних переговоров в Армении между властью и оппозицией, надо в первую очередь оценить и представить весь комплекс общественно-политических, социальных, экономических потрясений, которые переживает страна, а также реальную роль участия властных структур в разрешении конфликтов и эффективности их применения; умелость и грамотность применения правительством демократических и гуманитарных санкций при разрешении тех или иных гражданских конфликтов. Это с одной стороны. А с другой – хотелось бы представить реальные причинно-следственные мотивации факторов, определивших формирование оппозиции в Армении, и реальные обоснования, определяющие ее социально-общественный и политический рейтинг. Автор этих строк не может не согласиться с критическими замечаниями тех, кто считает, что у АНК (Армянского национального конгресса) нет и не было четко очерченной политической направленности ни раньше, в период его формирования, ни сейчас. Ни в одном из публичных выступлений, ни в публикациях и проч. нельзя было хоть в каком-либо слабом приближении обнаружить развертку выдвигаемых требований с позиции нового политического видения. Как обычно, все сводилось к нагнетанию оппозиционного противостояния, пе-

реходящего в идею политического насилия. Кроме того, говоря об оппозиционности, очевидно, надо оценить всю систему факторов, определяющих оппозиционность АНК. Структуру, степень структурной дифференциации, наличие группы интересов, профиль интересов, степень агрессивности. Только так оцениваются институциональные и структурные аспекты политического участия оппозиции, того, кто вступает в политическую конкуренцию и какие институциональные возможности для этого существуют. В действительности же надо констатировать, что АНК характеризуется наличием аномических групп: стихийно возникающие (спонтанная реакция на ситуацию), недолговременные, не имеющие постоянных организованных взаимодействий между членами группы, неустойчивые внутренние структуры, не имеющие преемственности с прежними формами организации оппозиции, и т.д. С учетом всего этого в отсутствие реальных конструктивных предпосылок для развёртки практического дуалистического решения в пользу государственной и гражданской стабильности настоящие переговоры, по нашему мнению, не могут иметь никакого полезного демократического развития. И наоборот – неэффективное завершение переговоров может привести к новой эскалации противостояния, новой фрустрации, агрессии и насилию.

Сегодня, ограничив применение силы в сфере межгосударственных отношений, человечество оказалось перед лицом взрыва внутривнутриполитического насилия, конфликта внутри государства. То есть политическое насилие выступает как феномен возникновения внутривнутригосударственного политического конфликта. Политическая реальность конца второй половины XXв. со всей очевидностью показала, что и развитые нации не имеют иммунитета против политического насилия. Сопутствующий этим событиям кризис социальной науки вылился в конечном свете в серьезное переосмысление природы и причин политического насилия. Новые теории, опирающиеся на социологию и социальную психологию, способствовали преодолению важного методологического барьера в осмыслении феномена политического насилия, предлагая поведенческое (в противоположность инстинктивному) объяснение. Одним из основных направлений явился структурный подход к изучению коллективного насилия [12]. В духе теории К.Маркса исследователи искали причины восстаний революций в дисбалансе базовой социэко-

номической структуры общества. Рассогласование или неуравновешенность между спросом и предложением социополитических и экономических благ порождает политическое насилие.

Начало систематизированного исследования структурных факторов политического насилия связывают с именем Нейла Смелсера [13]. В противоположность персоновской теории общества как верховного элиминатора конфликта Смелсер утверждает, что антисистемные социально-политическое движения произрастают из фундаментального неравновесия макросоциальных структур. Автор начинает свое исследование на уровне «микрокосма» – с анализа психологических мотивов, побуждающих к агрессивному поведению на индивидуальном уровне. Это действительно важно, хотя социология в чистом виде имеет дело с массовыми формами поведения. Бесспорно, истоки человеческой агрессивности во многом заложены на подсознательном уровне – в инстинктах, унаследованных нами от предшественников по линии эволюционного развития. Большинство этологов указывают на сходство в проявлении агрессии у человека и животных: «Агрессия всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию. Если на группу животных нагоняют страх, они становятся агрессивнее. То же происходит и с толпой людей или с обществом в целом. Агрессивно-трусливое состояние – самое опасное» [14].

Следствием таких разрушительных процессов может являться то, что отношение самого общества к своему государству может изменяться от политической поддержки до бескомпромиссной оппозиции, причем оппозиция может носить как ненасильственный (акции протеста), так и насильственный характер. Отношение же государства к обществу описывается более сложной системой конструкций. С одной стороны, в распоряжении государства имеется набор «нормальных» (конвенциональных) для данной политической общности рычагов воздействия на общество, которое подразделяется на позитивные стимулы, направленные на повышение степени удовлетворения потребностей членов общества, и политические санкции (негативные стимулы), ставящие целью пересечение нежелательной, с точки зрения политической системы, деятельности членов общества.

Исследование феномена политического насилия является одним из ключевых элементов комплексной оценки проблемы политической стабильности любого государства. Нет необходимости перечислять пагубные последствия внутренних конфликтов для жизни любой страны. Достаточно задуматься над тем, почему многие экономисты слаборазвитых стран сетуют на слишком слабый приток иностранных инвестиций в экономику. Однако если поставить себя на место топ-менеджера крупной транснациональной корпорации, ответственного за принятие решений о зарубежных инвестициях в экономику развивающейся стран, то станет очевидно, что, с одной стороны, вы должны своевременно принять такое решение и это позволит компании занять свободное рыночное пространство, прийти на него первыми, получив серьезные преимущества перед конкурентами. При этом работа предприятий, в которые вкладываются инвестиции, будет повышать уровень занятости, а также содействовать развитию экономики страны, где они размещаются и т.д. Решение размещать или не размещать предприятия в конкретной стране представляется весьма важным. С другой стороны, топ-менеджер обязан защищать вложения корпорации, а потому появляется необходимость тщательно оценить, каковы шансы на то, что продукция может быть уничтожена, а персонал столкнется с угрозой насилия, неизбежного, если внутренние противоречия в принимающей стране выльются в вооруженный конфликт. А история XX столетия полна такого рода случаями. Таким образом, для принятия решения об инвестициях необходим обстоятельный экспертный анализ ситуации в стране и прогнозы перспектив ее дальнейшего развития. Следовательно, необходимо знание всех факторов, ведущих к возникновению внутреннего насилия в различных странах, и способов измерения этих факторов.

В истории политической и правовой мысли происхождение понятия «политическое насилие» и его проявления рассматривалось в широком диапазоне: от извечно существовавшего до искусственно создаваемого для достижения определенных политических целей. В частности, еще Р.Михельс (1876-1936) [15, сс. 189-190] писал, что большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное «несовершеннолетие», будет

вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с ролью пьедестала для величия олигархии. В XVIIIв. Т.Гоббс представил политическое насилие в образе государства – гигантского чудовища Левиафана [16, с. 119]. Однако Гоббс полагал, что если человек является разумным и наиболее превосходным произведением природы, то великий называемый государством Левиафан – самое могущественное из всех творений человека.

Необходимость сужения объема понятия «политическое насилие» обусловливается не только познавательными, но и практико-политическими проблемами. В этом отношении лишение понятия «политическое насилие» качественной определенности также создает большие трудности. По нашему мнению, насилие как политическое явление невозможно понять вне связи с таким важнейшим феноменом, как власть. Мир политического – это сфера жизнедеятельности, где центральное место занимают отношения индивидов и групп по поводу власти. Поэтому анализ сущности насилия следует проводить с учетом его роли и места во властных отношениях. Наше понимание насилия совпадает с позицией некоторых ученых¹. Так, М.Вебер употреблял термины «насилие» и «физическое насилие» как синонимы, рассматривая средства политической власти². Э.Гидденс и др.³ авторитетные исследователи также исходят из того, что насилие, в том числе и физическое, неотъемлемая черта властвования и имело место в век наивысшего развития демократии и национального самоопределения.

Итак, под политическим насилием мы понимаем использование лишь одной из разновидностей принуждения – физического – для осуществления властной воли или овладения властью. Резюмируя вышеизложенные заключения, надо определить, что актами политического насилия являются конкретные насильственные действия: убийства, избиения, принудительное задержание, пытки, взрывы, поджоги, экспроприация собственности и т.д.⁴

¹ См., в частности, Пиджаков А.Ю., Сущность и разновидности политического насилия, http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108565105&archive=0211&start_from=&ucat=1&.

² Giddens E., Credonew.ru content/view/274/27/ – 137k.

³ Giddens E., Credonew.ru content/view/797/61/ – 56k.

⁴ См. также Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н., Байрамов Ш.Б., Понятие и сущность категории политическое насилие. Теоретический журнал CREDO NEW, <http://credonew.ru/content/view/820/61/>.

С учетом вышесказанного, мы, соглашаясь с представлениями вышеотмеченных авторов¹, предлагаем следующее определение: «Политическое насилие – это физическое принуждение, используемое, для подавления личностных желаний и конструктивных созидательных стремлений личности, как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты». Данное определение, на наш взгляд, отражает сложность властных отношений, разнообразие их проявлений и, соответственно, многофункциональность насилия. В определение понятия «политическое насилие» мы не включаем саму угрозу насилия, хотя некоторые исследователи и делают это. Применение физического принуждения и его угроза (а также протест) в политике тесно между собой связаны, часто дополняют друг друга, усиливая производимый эффект. Однако между ними есть качественные различия (по содержанию и последствиям, по политической эффективности и др.).

Далее, для самого же государства политическое насилие, во-первых, является в сравнении с актами политического протеста наиболее опасным проявлением политической оппозиции, ведущим к нарушению нормального функционирования всей политической системы, и имеет наиболее опасные последствия для устойчивости и безопасности государства. Во-вторых, именно политическое насилие является условием возникновения внутреннего политического конфликта, понимаемого как форма насильственного взаимодействия общества и государства. В-третьих, с проблемой предотвращения политического насилия связывается оценка способности и готовности существующей политической системы реагировать на генерируемые обществом импульсы трансформации и развития [4, с. 195].

Развитие современного политического сообщества, основанного на принципе рациональности, предполагает существование встроенных механизмов адаптации и саморегуляции, амортизирующих антисистемный эффект политического насилия. Всё это вбирает в себя достаточно емкие факторы: фактор структурного способствования, структурной напряженности, убеждаемости, ускорения, фактор мобилизованного участия и эффективности (или неэффективности) социального контроля. Отсутствие какого-либо из

¹ Giddens E., Credonew.ru content/view 274/27/ – 137k; Giddens E., Credonew.ru content/view 797/61/ – 56k.

этих факторов или их функциональная неэффективность приводит к внутриполитическому взрыву, антисистемному насилию и конфликту. Начало систематического исследования структурных факторов политического насилия связывают с именем Нейла Смелсера, опубликовавшего в 1963г. труд «Теория коллективного поведения» [13]. В основу теории коллективного насилия Смелсера положена классификация вышеперечисленных шести факторов, присутствие каждого из которых с высокой степенью интенсивности обеспечивает достаточную причину для социально-политического протеста.

Систематический анализ коллективного насилия в социально-психологических категориях предполагает, что агрессия – это не автоматически возникающее в недрах человеческого организма инстинктивное влечение, а следствие фрустраций [17], т.е. препятствий, возникающих на пути его целенаправленных действий, или же ненаступления целевого состояния, к которому он стремился. Агрессия при этом определяется как поведение, направленное на причинение ущерба, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с источником фрустрации: «Мотивом агрессии является такое нанесение вреда другим или интересам других, которое устраняет источники фрустрации, в результате чего ожидается благоприятный эмоциональный сдвиг. Достижение такого сдвига представляет собой цель мотивированного агрессивией поведения».

Согласно приведенному определению, агрессия всегда является реакцией враждебности на созданную другими фрустрацию (препятствие на пути к цели, ущерб интересам субъекта), независимо от того, была ли эта фрустрация, в свою очередь, обусловлена враждебными намерениями или нет.

Ряд немаловажных различий отметил С.Фешбах [18], разграничивший экспрессивную, враждебную и инструментальную агрессию. Экспрессивная агрессия представляет собой произвольный взрыв гнева и ярости, нецеленаправленный и быстро прекращающийся, причем источник нарушения спокойствия необязательно подвергается нападению.

Важным представляется различие враждебной и инструментальной агрессии. Целью первой является главным образом нанесение вреда другому, в то время как вторая направлена на достижение цели нейтрального ха-

рактера, а насилие используется при этом лишь в качестве средства. Инструментальную агрессию Фешбах подразделяет индивидуально и социально мотивированную.

Становится очевидной необходимость выяснения механизмов, детонирующих политическое насилие внутри общества, выявление масштабов и интенсивности политического насилия. Развивая концепцию «фрустрации-агрессии» как ситуативного фактора, мы рассмотрим ее на примере масштабного противостояния в обществе, коим является «оппозиция». Рассматривая «оппозицию» как группу, «исключенную из власти», которая представляет собой широкую квазигруппу тех, чьи интересы, весьма разнообразные и несовпадающие, соединяются в едином требовании – изменение статус-кво во властных отношениях. Условием актуализации оппозиционных требований, (в классическом понимании) приводящей к внутреннему политическому конфликту, является способность этой квазигруппы к самоорганизации, что возможно только при наличии свободы объединений. В противном же случае, например в тоталитарных странах, недовольство существующими властными отношениями остается латентным: в этих условиях любые возможные изменения политической системы приобретают непредсказуемый, неконтролируемый и насильственный характер.

Согласно наблюдениям исследователей [17-20], концепция «фрустрации-агрессии» привлекает внимание к так называемым ситуационным факторам насилия, к которым относят намерение, приписываемое нападающему; ожидание достижения цели и возмездия за осуществленную агрессию; способствующие агрессии ключевые раздражители; удовлетворение, приносимое достигнутыми в ходе агрессии результатами; самооценку (чувство вины); оценку со стороны других людей. Однако проблема состоит в том, что увязка фрустрации с агрессивным поведением сама по себе не обладает исчерпывающей объясняющей силой: в то время как гипотеза «фрустрации-агрессии» вполне ясно объясняет, почему люди обращаются к насилию, она не способна столь же определенно показать, почему они этого не делают.

Одновременно надо отметить, что гипотеза «фрустрации-агрессии» не охватывает другие значимые аспекты принятия рационального решения, а именно ожидания возможных выгод в будущем в противоположность страху

потерять то, что имеешь в настоящем. Далее, исследования в области логики коллективных действий выявили серьезные теоретические проблемы. Например, субъект, пребывающий в состоянии фрустрации в отношении существующей ситуации, может задаться разумным вопросом [19]: зачем принимать участие в актах коллективного восстания, если в случае победы выгоды будут распределены между всеми членами группы, независимо от индивидуальной степени участия?

Какие факторы в этой ситуации могут побудить рационального субъекта рисковать своей собственностью, свободой и даже самой жизнью ради того, что может принести выгоды всем в случае успеха, но в то же время создаст проблемы, прежде всего для непосредственных участников в случае провала?

Ряд исследований выявил существование целого спектра альтернативных поведенческих реакций на ситуации фрустрации, в особенности глубокой и продолжительной фрустрации: смирение, зависимость, избегание, апатия и, наконец, агрессия. Нельзя не согласиться с разнообразными поведенческими реакциями на ситуации фрустрации и ее крайней формы – агрессии. Но на наш взгляд, наиболее предпочтительной и приемлемой является предложенная в контексте теории рационального выбора вероятностная модель Д.Гупта [6].

В рамках теории рационального выбора рассматривается стремление индивида к максимальной выгоде и ожидание чистой прибыли. Таким образом, автор обеспечивает производительный аналитический инструментарий для разрешения этой теоретической проблемы. Теория рационального выбора предопределяет участие в политическом насилии для членов политической системы как один из способов достижения дополнительных благ: положительных изменений в своем статусе, материальном благосостоянии и т.д. Соответственно, согласно автору [6], использование данного метода оказывается в прямой зависимости, с одной стороны, от наличия и привлекательности альтернативных путей достижения, стоящих перед людьми целей, а с другой – от уровня издержек, которые обусловлены деятельностью государства по пресечению насильственной активности.

Удачной иллюстрацией анализа проблемы политического насилия в традициях теории рационального выбора служит вероятностная модель Д.Гупта. Данная модель имеет следующий вид:

$$F(U) = -U(Y_i) + U[\Phi(Y_{gm} + pY_{ga})] - U(R_n) + pU(L) - (1-p)U(C) + U(\Phi f)$$

где $U(Y_i)$ – сумма полезности дохода от деятельности, не связанной с политическим насилием (если бы посвятил время созидательным целям и не участвовал бы в насильственных действиях);

Φ – фактор идеологии. У Д.Гупта это индивидуальный выбор персоны коллективных благ соотносительно с частными;

$U(Y_{gm})$ – ожидаемые оппозиционером общественные выгоды в случае победы, использующей средства политического насилия;

$U(Y_{ga})$ – ожидаемые выгоды от непосредственного участия в актах политического насилия с целью содействия достижению целей оппозиционной квазигруппы (Д.Гупта отождествляет фактор Y_{ga} с объемом общественных благ, «для которых не выполняется критерий неисключаемости из потребления», и относит сюда, в частности, выгоды в форме роста статусного капитала, которые Э.И.Скакуновым [4] были классифицированы как «частные блага»);

$U(R_n)$ – ожидаемый объем выгод, которые индивид может получить в обмен на согласие не участвовать в актах политического насилия. Это может быть, например, предоставление правительством материальных и статусных «компенсаций» тем членам оппозиционных квазигрупп, которые ограничиваются конвенциональными формами протеста;

$U(L)$ – выгоды получения материальных частных благ в ходе насильственных действий;

$U(C)$ – субъективные издержки, которые участник актов политического насилия понесет в случае его задержания и привлечения к ответственности за содеянное (издержки, обусловленные налагаемыми правительственными санкциями);

p – субъективно оцениваемая вероятность «удачного» участия в актах политического насилия (не сопряженного с несением издержек, обусловленных налагаемыми правительственными санкциями);

f – фактор, отражающий степень субъективного удовлетворения от участия в актах политического насилия.

Если функция полезности $F(U) > 0$; то имеет место превышение выгод над издержками, благодаря чему участие в актах политического насилия оказывается выгодным.

Если функция $F(U) < 0$, то такое участие не имеет смысла.

Следовательно, разработанная Д.Гуптой вероятная модель функции полезности оппозиционной деятельности личности $F(U)$ есть мощный корректирующий инструментальный анализа проблем политического насилия. В данном случае применение положений теории рационального выбора имеет большие перспективы в плане повышения пояснительных потенциалов анализа феномена политического насилия в рамках альтернативных изыскательных направлений.

Но из исследований Н.Миллера [20, р. 338], преобразовавшего ранее выдвинутую теорию о детерминистской связи между фрустрацией и агрессией, следует, что фрустрация создает побуждения к разного типа реакциям, одна из которых – побуждение к какой-либо форме агрессии. Согласно этой скорректированной теории, агрессия не единственная, а только одна из возможных реакций на фрустрацию. В зависимости от того, насколько агрессивный поступок уменьшает силу лежащего в его основе побуждения, он приобретает самоусиливающийся характер: повышается вероятность того, что последующие случаи фрустрации также будут сопровождаться агрессивной реакцией. То есть наличие в анализе фактора издержек позволяет продемонстрировать, почему индивид в состоянии фрустрации может не принимать участия в коллективных насильственных акциях. Серьезной проблемой анализа феномена политического насилия, а также важной практически-политической задачей остается определение вероятности выбора индивидом тех или иных форм насильственных действий. В то время как теория «фрустрации-агрессии» способна адекватно оценить вероятный масштаб насилия, она не способна определить его вероятную интенсивность, а именно: латентное насилие, символические антисистемные действия, террористические акты, массовые беспорядки, вооруженное восстание и пр. Решение проблемы выбора форм насильственных действий различной интенсивности определит раскрытие взаимосвязи между факторами персональной мотивации и структурными факторами. Такая попытка охватывается в теоретической модели, разработанной в рамках настоящего обзорного исследования, и будет изложена в следующих разделах.

Июнь, 2012г.

Источники и литература

1. *Тишков В.А.*, О феномене этничности. // Этнографическое обозрение, 1997, №3; *Тишков В.А.*, Этиология и политика: Научная публицистика. 2001, сс. 229-240.
2. *Тейлор Ч.Д.*, О мультикультурализме и демократическом исключении. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
3. *Чешко С.С., Билифельда У.Д.*, Этнополитические аспекты эволюции доктрины самоопределения. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ – М., 2002.; *Осипова А.А.*, Дискуссии о групповых правах и защите прав меньшинств («Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств?») // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ – М., 2002.
4. *Скакунов Э.И.*, Система анализа и управления конфликтами и стабильностью, СА-УКС «Россия» для СБ РФ, 1995.
5. *Гарр Т.Р.*, Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005.
6. *Gupta D.*, The Effect of Political Instability on Economic Growth. The Economics of Political Violence. – NY, 1990.
7. *Freud S.*, Das Unbehagen in der Kultur Verlag. – L., 1930.
8. *Сорокин П.*, Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.
9. *Кудрявцева. В.Н.*, Юридическая конфликтология. – М., 1995.
10. *Almond G.*, Comparative Politics Today: A World View. – Boston, 1974.
11. *Бестужев-Лада И.В.*, Альтернативная цивилизация. – М., 1998.
12. *Кузина С.И.*, Политическое насилие: природа манифестирование и динамика в глобализирующемся мире. Автореф. диссерт. на соискание ученой степени д.п.н. – Ростов-на-Дону, 2010.
13. *Здравомыслов А.Г.*, Социология конфликта. – М.: Логос, 2010.
14. *Дольник В.Р.*, Непослушное дитя биосферы. 3-е изд. – СПб.: ЧеРо-на-Неве, Паритет, 2003.
15. Антология мировой политической мысли в 6 томах. Т.2. – М., 1997.
16. *Гоббс Т.*, Левиафан. – М., 2001.
17. *Dollard J., Williams K.R., Flewelling R.*, Frustration and Aggression. – New Haven, 1939.
18. *Фешбах С.*, Инструментальная агрессия. – М., 1971.
19. *Крэйхи Б.*, Социальная психология агрессии. – СПб.: Питер, 2003.
20. *Miller N.*, The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. V.4., №4.

ANALYSIS OF THE INTRASTATE POLITICAL VIOLENCE
(The concept of non-linear development of the violence; beginning)

Arman Martirosyan

Resume

Due to the self-accelerating development of human civilization, amid the information age, importance of scientific estimation of the public opinion, registration of behavioral features and preferences of definite social and economic groups is getting even more topical. Particularly for the fundamental research of such an important section as intrastate conflicts in the context of the state stability, profound analytical and theoretical elaborations, in which the latest scientific directions are used, are necessary. In this aspect, in our opinion, no researched sector of social life of the state can be considered full-fledged unless sociological, social and psychological, ethnic and national and particularly mathematical analytical constructions and tools are used.

Increasing information burden on a person brings to an appropriate complication of modeling of social and economic and political systems, which, in its turn, raises significance of the analysis of political violence as rather one of the main interpreting than registering social disciplines. Studying of the phenomenon of political violence is one of key elements of the complex assessment of the issue of political stability in the state.